

КАДРОВЫЕ ВОЙНЫ: СМЕРТНИКИ ПРОТИВ КОНТРАКТНИКОВ

Обсуждение итогов политического года грешит неоправданным рационализмом. Не надо забывать: год – уже не календарный, а космический срок. По дороге на дебаты радио напомнило, что сегодня день рождения Арсения Тарковского.

*Живите в доме - и не рухнет дом.
Я вызову любое из столетий,
Войду в него и дом построю в нем.
Вот почему со мною ваши дети
И жены ваши за одним столом,-
А стол один и прадеду и внуку:
Грядущее свершается сейчас,
И если я приподымаю руку,
Все пять лучей останутся у вас.*

Чтобы оценивать итоги, нужна оценочная шкала, требуется контекст. По каким понятиям собираемся судить российскую систему власти? Прежде, чем шарить по концептуальным сусекам политологии, обратимся к понятию «Бытия», хотите – в гегелевском смысле, хотите – в ветхозаветном. А контекст – девятилетнее правление Ельцина. Это раннее младенчество нашей политической системы. Вспомним игры РФ-дитяти, вышвыривающего из национальной коляски ресурсы – человеческие и территориальные, военные и политические, биологические и минеральные. Вспомним отсутствующий, мутновато-бессмысленный взор, со внезапными проблесками лукавства и даже политгениальности. Эпические, почти библейские истории о грехопадении с моста, о коробке из-под ксерокса, – им несть числа. Или былинные персонажи повести безвременных лет: премьер-языкотворец, играющий на гармошке, как крокодил Гена, генерал Паша-мерседес, внешнеполитический завлаб Шелов-Коведяев. Вспомним средневековый бунт городских низов в 93-м, полубесмысленный и полубеспощадный, дело кооператива АНТ о спекуляции танками, голосование сердцем... Качество – количество – мера. Планктон – кишечнополостные – лопухи. Товар – деньги – офшор. Все вместе называется одним словом: невменяемость. Некому вменять и не на кого пенять.

Ныне Фортуна уж не вся скрозь нас бежит, пришло долгожданное детство, за ним и лобковое оволошение. И только-только изо всей этой трансценденщины показываются первые ростки рационализма, проблески осмысленности.

Путин внезапно, среди общего стабилизационного благолепия, пикирует, вцепляется в какую-то проблему и начинает ее долбить, как дятел. Он упрямо вдальбливает окружающей политсреде: административная реформа! Или: вступление в ВТО! Повторяет, повторяет, упорно, настырно: темпы роста, темпы роста. Как же так, ведь понятно, что это очень важная проблема, почему мы ее не решаем? Но госаппарат безмолвствует, – тупо ли, грозно? – и бездействует.

Аппарат, набравшийся в лихую годину из случайных людей, с бору по сосенке, набившийся в унылые и грязные конторы, где нет ни свежих обоев, ни идей, способен только выживать. Жаль, форма его выживания именуется «коррупцией».

Это о контексте. Теперь – где шкала для оценки роста? Возьмем, к примеру, *ранжирование политических режимов по типу отношения к кадровой проблеме*.

С кадрами можно поступать так же, как первобытный человек с палкой. Можно ее подобрать в лесу, украсть, отобрать – и кое-как приспособить к делу. Это этап собирательства. Можно обработать и превратить в копье. Наконец, можно дойти до рыночно-индустриальной системы, когда строится расширенный цикл воспроизводства.

Ежу заметно: мы на ранних фазах кадрового собирательства. Лишь в отдельных продвинутых бизнес-структурах тускло занимается заря мануфактурной эпохи.

Как смотрится в этом свете великая брань «семейных» с «питерскими»? Тертые менеджеры семьи играют роль вынужденно терпимых «буржуазных спецов», а питерские – ранних рабфаковцев, в доску своих, но куда неумелых. Вертикальная мобильность обеспечивается доносами. Вопросы идеологии, стратегии и т.п. тут просто не стояли, они никого не интересуют в сборной солянке раннего госаппарата. Не учите жизни! Да и учить некому. Самосознание родителей по-настоящему и формируется в процессе воспитания детей. Только обращаясь к собственным, в муках произведенным на свет кадрам, система обретает аудиторию и повод подумать и внятно растолковать, чего хочет.

Зададимся простым, неактуальным вопросом: *кто может представлять угрозу существующему режиму*, который стопроцентно легитимен и смотрится незыблемо?

Да кто угодно, решивший проблему собственных кадров.

Вот Чечня – одна двухсотая России, да и моджахеды – это еще не вся Чечня. Но моджахеды решили проблему кадров. И сто девяносто девять двухсотых никак не могут победить.

Угрозе вовсе не обязательно быть военной, чтобы стать смертельной. К примеру, корпорация «Сибойл» или финансово-промышленная группа «Бета», создав собственный корпоративный университет, подготовит за пару лет Преображенский полк из 1000 сплоченных и эффективных управленцев. Доморощенному аппаратному ополчению не устоять против него в борьбе за собственность и, следовательно, за суверенитет в масштабах страны.

Столичные скинхеды или фашисты могут на поверку оказаться такими же ряжеными, как московское казачество. Но за ними маячит призрак фундаментализма. А фундаменталисты, как известно, знают толк в кадрах.

Нынешним идеологам армейской реформации кадры-контрактники видятся недостижимым идеалом на фоне призывников-рекрутов, которые спят на посту и торгуют ворованной амуницией. Но контрактники никогда не победят смертников. Кадры, способные рационально и эффективно вести современный самолет навстречу собственной смерти, неодолимы по контракту. Фанатизм вражеских солдат их сограждане, вспомним, называют «подвигом».

Путину нужна не парламентская партия, а корпорация профессионалов, управляющих собственностью.

В стране, как и во всем мире, идет формирование национального сословия постиндустриальных управленцев и предпринимателей.

Победит и станет непобедимым тот, кто даст ему общую идею, тем самым сделав его волевым, сплоченным и своим.

Если достойной идейной силы в политической культуре не сыщется, сословие будет растворено в новом зарубежном рассеянии, либо родит из себя однобокую корпорацию-власть-идентичность, имя которой, чуждое слуху, нам не дано предугадать.